
ИЗ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

А. В. Ганин

ПРАЖСКИЙ КРУЖОК ПО ИЗУЧЕНИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

С окончанием в ноябре 1920 г. Гражданской войны в России десятки тысяч людей не могли остаться на родине. Многие из них были представителями высокообразованных слоев населения. Эмиграция коснулась и военной элиты страны, прежде всего, выпускников Николаевской военной академии – офицеров Генерального штаба. В силу географической и культурно-языковой близости многие беженцы отправились в славянские страны, в том числе в Чехословакию, где властями для поддержки эмигрантов с 1921 г. была организована «Русская акция» помощи, направленная в том числе на поддержку русской науки.

По данным на 1924 г. здесь находились уже 23 русских генштабиста¹, и их численность продолжала возрастать. Генштабисты были основными проводниками военной науки в русской армии. Причем в эмиграции они пытались сохранить и приумножить свои военно-научные и военно-исторические познания. Значимым для изгнанников стало осмысление опыта Первой мировой и Гражданской войн, в результате которых они покинули родину.

Попытки коллективного изучения этих вопросов приводили к появлению различных военно-научных организаций эмигрантов. Одной из них был пражский кружок по изучению Первой мировой войны, функционировавший при Русском народном университете в Праге в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. Попытке реконструировать на основе сохранившихся архивных документов непростую историю этой ныне забытой организации, показать ее роль и место в военно-научном мире Русского Зарубежья, значение для Чехословакии и посвящен данный очерк.

В 1920-е гг. в среде русской военной эмиграции получили широкое распространение идеи военного самообразования в целях поддержания знаний офицеров на случай возможного возобновления борьбы с большевиками. Признанным авторитетом в деле организации военного самообразования русских эмигрантов был генерал Н.Н. Головин, организовавший в Париже высшие военно-научные курсы. В других центрах русской военной эмиграции также были популярны аналогичные идеи и тоже возникали организации, направленные на повышение военных знаний или на осмысление боевого опыта. Одним из таких центров была Прага.

Конец 1920-х – начало 1930-х гг. стал временем расцвета военной науки в эмиграции. Кружок ревнителей военных знаний, именовавшийся также кружком по изучению мировой войны, возник в Праге при Русском народном университете.

---

* Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

¹ Подсчитано по: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 720–745, 772–780.

Стимулом для его возникновения стали пользовавшиеся большим успехом публичные лекции бывшего профессора Николаевской военной академии генерала М. А. Иностранцева о мировой войне. Комитет слушателей Русского народного университета 20 мая 1927 г. ходатайствовал перед ректором профессором М. М. Новиковым (бывшим ректором Московского университета) об учреждении кружка для изучения войн, веденных Россией за освобождение славян и других народов, для изучения участия России в мировой войне и изучения современного состояния военного дела, военной науки и техники¹. Согласие ректора была получено.

Участники кружка просили М. А. Иностранцева стать руководителем организации, на что он дал согласие². В письме своему другу Е. Н. Шевелеву Иностранцев отметил: «Я на себя взял историю мировой войны и химическую войну, подобрал лекторов для других предметов и практических занятий, и у нас здесь с сентября месяца получится как бы маленькая академия Генерального штаба, каковой ректором являюсь я»³. Разумеется, подобные перспективы льстили самолюбию генерала, так и не ставшего начальником Военной академии в России.

4 июня 1927 г. Иностранцев писал генералу Н. Н. Головину в Париж: «Дорогой Николай Николаевич,

Очень прошу тебя простить меня за продолжительное молчание, но мне хотелось написать тебе, когда более или менее ясно выяснится картина занятий с офицерами здесь. Теперь, когда сезон окончен, это состоялось, и я могу поделиться с тобою моими впечатлениями и намерениями на будущий год.

Как я тебе сообщил уже и просил сообщить и В.В. Чернавину, и я и [П. Ф.] Рябиков в этом году решили лишь присмотреться к занятиям, войти в их курс и уже с будущего года принять в них непосредственное участие. Мы посетили несколько занятий, веденных Чернавиным, ознакомились с контингентом обучающихся, а я, кроме того, присмотрелся и к запросам самой молодежи. В течение года я прочел в здешнем народном университете две лекции об окончании Мировой войны (так называемое сражение Фоша) и был приглашен университетом прочесть лекцию о русско-турецкой войне 77–78 гг. по поводу ее пятидесятилетнего юбилея. Народу на эти лекции привалила тьма, хотя пессимисты и пугали меня, что темы эти не привлекут внимания, что русская молодежь будто бы совсем обмирнела и военными знаниями не интересуется. К счастью, это оказалось вздором, и успех лекций моих, повторяю, был для народного университета небывалым. Что это так, покажет тебе и дальнейшее. Непосредственным результатом моих лекций было то, что ко мне явился председатель слушателей университета полковник Бигаев (бывший на Кавказе начальником конвоя вел. кн. Николая Николаевича) и сообщил мне следующее. Группа слушателей (военных) университета выразила желание правильной организации военных занятий и сообщила об этом

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5796. Оп. 1. Д. 7. Л. 167.

² Иностранцев Михаил Александрович (26.07.1872-05.12.1938) – из дворян, сын известного ученого, члена-корреспондента Академии наук, профессора Санкт-Петербургского университета. Окончил Санкт-Петербургскую Ларинскую классическую гимназию, выдержал экзамен при 2-м военном Константиновском училище, окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1901). Генерал-майор. Участник Первой мировой войны. Начальник штаба 67-й пехотной дивизии (с 1914). Командир 8-го Финляндского стрелкового полка (с 1915). Генерал для поручений при Главном управлении военно-учебных заведений (с 1916). Ординарный профессор Николаевской военной академии (с 1917). Участник Белого движения на Востоке России. Генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем (Омск, 1919). Военный историк. В эмиграции – в Чехословакии. Умер в Праге. Похоронен на Ольшанском кладбище.

³ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 66. Л. 2.

ректору университета проф. Новикову. Последний выразил полное свое согласие на это и предложил в руководители этих курсов меня, между тем, Бигаев и явился с просьбой, чтобы руководителем кружка был я. Таким образом, желания совпали, и выбор пал на меня. Тогда я после совещания с Бигаевым решил принять на себя руководство в этом кружке ревнителей военных знаний при народном университете и постарался выяснить от него запросы самих желающих в него записаться. Оказалось, что будущие слушатели желают следующего. Прежде всего, они хотели бы, чтобы им в течение грядущего сезона был прочитан ряд лекций-очерков Мировой войны в виде наиболее характерных операций. Это при их полном сочувствии я и решил взять на себя. Во-вторых, им в высшей степени желательно ознакомление с существующими военными доктринами: французской и немецкой. Для этого я рассудил пригласить Виктора Васильевича [Чернавина], как уже знакомого с курсом Лемуана, но только это придется сделать не в виде чтения, совместно со слушателями, как это делалось раньше, книги Лемуана, а в виде опять-таки ряда лекций, в которых Чернавин даст им резюме упомянутой книги. Я говорил уже об этом с ним, и он выразил полное свое согласие. В-третьих, будущие слушатели выразили общее желание ознакомиться с теми новинками техники, которые завоевали себе видное место в Мировую войну и, несомненно, будут иметь широкое применение в будущем, как то: химическая война, авиация, танки и т. д. Придется тоже дать ряд лекций по этим вопросам. Здесь придется, вероятно, разделить труд всем нам трем. Я, как уже начавший немного заниматься химической войной, думаю взять это тоже на себя (две – три лекции), авиацию хочет взять Рябиков (как уже имевший с нею дело по должностям начальника разведывательного отделения) и, наконец, танки предложил взять на себя, опять-таки Чернавин. Наконец, в-четвертых, практические занятия придется вести всем нам троим, причем на совместном предварительном разговоре мы решили взять тот метод, о котором ты писал в одном из твоих циркулярных писем, т. е. метод военно-исторический как более заинтересовывающий, а именно, беря какой-нибудь корпус в Восточной Пруссии в 1914 г., разработать его операцию при существовавшей обстановке. Должен оговориться, что все, что я тебе пишу, пока представляет лишь набросок или скелет, и подробности последуют далее, по выяснении и контингента слушателей и других данных.

Мне думается, что подобная организация нисколько не противоречит твоим планам и начинаниям, так как, сколько мне известно, ты отнюдь не собирался противодействовать инициативе на местах. Быть при народном университете – кружком ревнителей военных знаний, по моему крайнему убеждению, является не только не минусом, а скорее плюсом. Во-первых, это безопаснее с точки зрения политической, т. к. чехи ко всяким русским организациям, а особенно военным, в силу условий их политики, относятся с опаской, между тем как народный университет пользуется у них полным доверием и сочувствием. Во-вторых, связываясь с ним, мы получаем прекрасное даровое помещение в центре города, нам не надо расклеивать объявлений и плакатов, т. к. все это будет делать университет. Более того, чертежи и планы для лекций (требующие и времени и денег) нам будут изготовляться, опять-таки, чертежниками университета безвозмездно. Наконец, ты здесь, может быть, улыбнешься, но связь с университетом имеет и некоторое тщеславное значение для молодежи, как сообщил мне Бигаев. Дело в том, что университет по всем своим факультетам, оканчивающим в нем курс, выдает соответствующие аттестаты за государственную печатью. Такой же порядок распространится и на наш, как бы военный, факультет, и это даст, хотя и не имеющую практического значения, но удовлетворяющую самолюбие выгоду. При этом только необходима, по желанию слушателей, проверка их знаний, т. е. что-то вроде экзаменов, что, думается, отразится и на аккуратности посещения занятий.

Теперь идет запись в члены кружка, которую взял на себя Бигаев. Когда она будет окончена (по моим сведениям, число желающих уже перевалило за двадцать), то соберется общее собрание, и на нем будет избран орган вроде факультета для выработки программ, составления расписания лекций и т. д. В него намечены все те же, т. е. Рябиков, Чернавин и я. К нам, несомненно, должен будет войти и Бигаев как посредник между нами и слушателями. С осени же можем начать работу.

Как видишь, получается что-то вроде маленькой академии. Когда будут выработаны программы и детали обсуждены, то, конечно, поставлю тебя в известность»¹.

Головин откликнулся незамедлительно:

«Дорогой Михаил Александрович.

Спасибо тебе за твое письмо от 4 июня. Я его прочел с большим интересом и удовлетворением. В самом деле вижу, что мое начинание растет и множится, находит отклик и сочувствие среди нашего русского воинства. Слава Богу. Я, конечно, ничего не имею, чтобы ты организовал в Праге при народном университете курсы для обучения военной науке. Одно только прошу, раз ты хочешь, чтобы я сохранил идейное руководство этими курсами, посылай тебе по-прежнему материалы и указания, чтобы курсы твои были совершенно аполитичны. У меня на глазах имеется пример, когда одна из групп не пожелала сохранять этой аполитичности и погибла. В Праге это тем более опасно.

Что касается организации твоих курсов, то, мне кажется, что тебе большую пользу могут принести лекции, которые я выпускал на военно-научных курсах в Париже. Не для того, чтобы слепо их придерживаться, нет, а для того, чтобы знать, что и в каком объеме читается у нас и является всем доступным и интересным, т. к. число слушателей достигает иногда 180–200 человек, а минимум 150 человек. Даже размер лекции, прочтенной в 1 час, и тот полезен для ориентации...»²

Поскольку штатские преподаватели и ученые, оказавшиеся в эмиграции, создавали свои академические группы, возникла задумка объединить профессоров Николаевской военной академии и создать военно-академическую группу с целью популяризации военных знаний и подготовки молодых военных ученых³. Инициатором в 1928 г. выступил профессор, генерал А.К. Байов⁴, обратившийся с соответствующим запросом к Иностранцеву как бывшему профессору академии. Для создания группы требовалось не менее шести человек. Похожая мысль о создании объединенного военно-научного центра эмиграции была выдвинута и на съезде русских ученых в Белграде, где присутствовал профессор, генерал Б.В. Геруа. Судьба этой инициативы неизвестна, но, по всей видимости, роль таких центров стали играть парижский Институт изучения современных проблем войны и мира, созданный генералом Н.Н. Головиным в 1932 г.⁵, а также его белградский аналог – Русский военно-научный институт, возникший в 1936 г.

Летом 1927 г. состоялось приглашение Иностранцева в чехословацкую Военную академию для чтения лекций по истории Первой мировой войны. Генералу была обещана высокая оплата труда – 3500 крон в месяц (5250 динар) – вдвое больше его прежнего югославского заработка в банке и вдвое больше чехословац-

¹ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 62. Л. 3-4об.

² Там же. Л. 7.

³ Эмигрировали из России профессора Николаевской военной академии: А. И. Андогский, А. К. Байов, В. И. Баскаков, В. В. Беляев, Б. В. Геруа, Н. Н. Головин, А. А. Гулевич, М. А. Иностранцев, А. К. Келчевский, П. Ф. Рябиков, Д. В. Филатьев, Н. Л. Юнаков.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 75. Л. 9–11об.

⁵ *Н.Н.Р.* «Институт по изучению современных проблем войны и мира» // Военная быль (Париж). 1962. № 54. С. 38.

кого заработка. На эти средства можно было даже делать сбережения. Квартира в Праге обходилась в 750 крон в месяц, причем в надежде обзавестись собственным домом Иностранцев вступил в русско-чешское строительное товарищество¹.

В письме своим знакомым Д. Н. и О. В. Воронец от 18 июля 1927 г. Иностранцев отметил, что «еще в Загребе, томясь отсутствием “своего” дела, т. е. научной работы, начал чтение публичных лекций о войне 1914–18 гг., которые имели большой успех. Я решил здесь (в Праге. – А.Г.), где русская колония гораздо больше, повторить эти лекции в надежде обратить ими на себя внимание и прочел их при существующем здесь русском народном университете. Результат превзошел все мои ожидания. Во-первых, при народном университете организовалось общество изучения военных наук, которое просило меня принять на нем руководство и начнет правильно функционировать с началом будущего сезона. Оно явится ответвлением тех курсов, которые ведет у Вас в Париже мой друг Н.Н. Головин. Но этого мало, не далее, как сегодня, я получил уведомление, что начальник Главного штаба генерал Сыровой поручил мне предложить чтение лекций по мировой войне в их академии Генерального штаба с оплатой их так, чтобы я мог хорошо жить. Уже раньше зондировали почву в этом направлении у меня, и я ответил, что соглашусь, если мне дадут то, что обещано с добавкой 500 крон... Завтра иду в штаб для окончательных переговоров по этому поводу. Как видите – добился. Жив курилка»².

26 июля 1927 г. в связи с приглашением в чехословацкую Военную академию Иностранцев писал в Королевство сербов, хорватов и словенцев своему другу Е. Н. Шевелеву: «Мне здесь, конечно, лучше, чем было в Югославии. Во 1-х я буду делать свое научное дело, во 2-х зарабатывать буду много больше, чем там, в 3-х, и это весьма важно, что отношение ко мне здесь совершенно иное, чем там. Там я был беженец № X. Здесь я профессор, генерал, чехам известный еще по Сибири. В 4-х, литературный заработок здесь гораздо легче найти и оплачивается он значительно больше, не говоря уже про то, что, например, в двух журналах, узнав, что я плачу переводчику треть гонорара, сами редакторы предложили мне, прямо с целью повышения моего заработка, платить переводчикам самим, а мне выплачивать гонорар полностью, как будто бы я пишу по-чешски.

Как не говори, а это большое внимание и такового я в Загребе не видел»³.

24 сентября 1927 г. на квартире Иностранцева состоялось первое организационное заседание, образовавшее совет преподавателей кружка, ставший его руководящим органом (позднее – совет кружка)⁴. В совет вошли помимо Иностранцева присутствовавшие генералы П. Ф. Рябиков (одноклассник Иностранцева по академии) и В.В. Чернавин, полковники Н. А. Бигаев (секретарь) и Г. В. Темников (заведовал чертежной частью). Позднее присоединились генералы М. Г. Михеев, Н. Н. Шиллинг, полковник В. В. Добрынин (с июля 1928 г.) и подполковник Ф. А. Мороз. В сентябре 1928 г. состав совета покинул генерал В. В. Чернавин⁵. На 1930 г. к совету присоединились генерал Н. А. Ходорович, капитан В. И. Гепнер, полковник Е. Е. Шайтанов и лейтенант М. С. Стахевич. Почетными членами совета в целях укрепления связей с чешскими военными учеными стали председатель и генеральный секретарь Чехословацкого военно-научного общества (Ведецкий воинский устав) полковник Чермак и майор Кучера⁶. По данным на 1930 г., руководящий орган назывался уже советом кружка.

¹ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 66. Л. 1об.

² ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 60. Л. 3.

³ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 66. Л. 1об.-2.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 172. Л. 25.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 112. Л. 84.

⁶ Там же. Л. 128.

Заседания кружка проходили тогда примерно трижды в месяц. На заседании 24 октября 1927 г. выступил ректор профессор М. М. Новиков, который отметил, что во главе кружка «стал генер[ал] проф. М. А. Иностранцев, соединяющий опыт боевого генерала и блестящего профессора акад[емии] Ген[ерального] шт[аба]»¹. Состоялось и выступление Иностранцева о военных доктринах.

Кружок объединял в том числе и офицеров Генерального штаба, осевших в Чехословакии². На заседаниях читались доклады, выступали авторитетные военные деятели, порой приезжавшие из других стран. В частности, из приезжих в кружке выступали авторитетные в военной среде русской эмиграции генералы Н. Н. Головин и Д. Г. Щербачев (выступал в апреле 1928 г. с докладами Львовская и Раво-Русская операции, действия 3-й армии и в частности IX армейского корпуса; Наступление и преследование австрийцев к р. Сану. Блокада и атака Перемышля). Выступали в кружке и известные пражские военные ученые: генералы В. В. Чернавин и П. Ф. Рябиков, полковник В. В. Добрынин и другие³. В кружке на 1927 г. числились не менее 76 человек, позднее их численность возросла до 220. На лекции приходили по 200-250 человек, включая чехословацких офицеров⁴. Изначально средств не было, позднее материальную поддержку начал оказывать университет. По данным на начало 1928 г. заседания должны были проходить раз в две недели, чередуясь с заседаниями исторического общества. Популярность докладов изначально была довольно велика. В среднем приходили по 75 человек и лишь в 1930-е гг. интерес заметно снизился. Всего к июлю 1929 г. было прочитано 40 докладов⁵.

Известность кружка вышла за пределы Праги и русской общины. Так, в Брно группа офицеров (полковники Б. Г. Вдовенко, С. М. Журавлев, М. М. Лисун, Тамиров, капитан Левицкий, подъяесаул Г. А. Букановский) в начале 1928 г. тоже наметила создание такого кружка и обратилась с просьбой о содействии в Прагу, на что было предложено войти в состав пражского кружка⁶. В работе кружка участвовали и чешские офицеры-генштабисты. К примеру, 11 апреля 1928 г. ожидался доклад штабного капитана Ф. Погунека «Значение огня всех видов в современной войне»⁷. Помимо докладов в кружке намечались и военно-исторические экскурсии по местам сражений. В частности, на весну 1928 г. намечалась экскурсия на поле битвы при Аустерлице в сопровождении лекции Иностранцева. Планировались и экскурсии по Праге.

В апреле 1928 г. состоялось торжественное чествование Иностранцева по случаю 25-летия его ученой и военно-педагогической деятельности. Был создан временный комитет по подготовке мероприятия во главе с Н. А. Бигаевым. Организация торжества была направлена на укрепление репутации кружка и репутации самого Иностранцева как военно-научного авторитета эмиграции. Информацию о торжестве разослали в следующие издания: «Дни», «Возрождение», «Новое время», «Руль», «Русский военный вестник», «Русь», «Последние новости»,

¹ Там же. Л. 9.

² В работе кружка участвовали помимо Иностранцева проживавшие в Чехословакии генштабисты В. В. Добрынин, В. А. Замбржицкий, М. М. Зинкевич, В. Ф. Кирей, М. А. Ковалев, М. Г. Михеев, П. Ф. Рябиков, Н. Н. Тилли, А. К. Фартушный, Н. А. Ходорович, В. В. Чернавин, А. М. Шкеленко, С. А. Щепихин и другие (ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 39. Л. 112. Также см.: *Серапионова Е. П.* Русские военные историки в Чехословакии // *Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие.* Прага, 2012. С. 111–116).

³ ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 113. Л. 85-85об.; Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 218. Л. 1.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 172. Л. 25.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 112. Л. 130.

⁶ Там же. Л. 29-30.

⁷ Там же. Л. 44.

«Вестник районного правления Общества русских офицеров Генерального штаба», «Бюллетень Руссуниона»¹.

Поздравления поступили от множества эмигрантских организаций (Галлиполийские землячества в Чехословакии и в Братиславе, комитет слушателей Русского народного университета), а также от частных лиц, включая цвет военной эмиграции – генерала Н. Н. Головина, полковников К. Л. Капнина, Д. И. Ходнева. Торжественное заседание в большом зале Русского дома Праги (Прага 2, Панска, 16) 26 апреля 1928 г. было организовано кружком по изучению мировой войны, Русским народным университетом, Академической группой, Союзом инвалидов, Галлиполийским землячеством, Общеказачьей студенческой станицей, каюткомпанией в Праге и Русским объединением в Чехословацкой республике. Вступительное слово, согласно программе, произнес генерал-адъютант Д. Г. Щербачев, выступали профессора П. Ф. Рябиков, И. И. Лаппо, ректор народного университета М. М. Новиков, С. В. Завадский, генерал М. Г. Михеев и другие, оглашались приветствия, от чехословацкой армии выступил генерал С. Чечек².

Звучали громкие пожелания Иностранцеву поскорее занять место в Военной академии в России³. Члены кружка по изучению мировой войны, которым руководил Иностранцев, поднесли генералу адрес, где среди прочего были и такие слова: «Ваше руководство и чтение, блестящее по форме и весьма поучительное по существу, постоянно подымает в нас то национально-патриотическое чувство, которое только своей непрерывностью способно преодолеть тяжесть лишений и сохранить горение, необходимое при последующем сдвиге на Родной Земле.

В этот сдвиг мы верим, им живем и от души желаем Вам принять в нем деятельное участие как одному из главных строителей будущей Российской вооруженной силы»⁴.

Летом 1928 г. было предложено переименовать кружок в общество, однако этот замысел реализован не был⁵. Обсуждалось и введение нагрудного знака для общества. 18 сентября 1928 г. было составлено ходатайство об отпуске кружку пособия от МИД Чехословакии⁶.

Когда в 1928 г. Иностранцев собирался посетить Королевство сербов, хорватов и словенцев, чтобы повидать дочь и внучку в Загребе, возникла идея прочесть курс лекций и там (причем за деньгами на проезд генерал обращался в МИД Чехословакии⁷). За посещение лекций должна была взиматься небольшая плата – 2–3 динара. Причем во избежание налогов деньги взимались не за билеты, а за печатную программу при входе. Половину дохода Иностранцев хотел представить в пользу русской реальной гимназии в Загребе или ее бедных учеников⁸. К этому времени у Иностранцева были разработаны лекции по Восточно-Прусской операции (действия армий Ренненкампа и Самсонова), Галицийской битве, Варшавско-Ивангородской операции (первое наступление немцев на Варшаву), Лодзинской операции, а также по отступлению русских армий 1915 г. Были составлены лекции «Действия кавалерии в прорывах в современной войне (Свенцяны и Солунский фронт). 1915 г.»⁹, «Евфратская операция. Июль 1915 г.»¹⁰. К началу 1930-х гг.

¹ Там же. Л. 52.

² ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 107. Л. 18, 44.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 39.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 112. Л. 79.

⁶ Там же. Л. 80.

⁷ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 53. Л. 5.

⁸ Там же. Л. 1об.

⁹ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 352. Л. 1-25об.

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 353. Л. 1-25.

он читал также лекции «Вооруженные силы и планы сторон на русском фронте в Мировую войну», «Германский империализм и пангерманизм как основные причины Мировой войны», «Борьба военных доктрин в Мировой войне (как и чем окончилась Мировая война 1914–1918 г.)» (2 лекции), «Страдная пора Вердена (21 февраля – 15 декабря 1916 г.)» (2 лекции), «Начало конца Мировой войны 1914–1918 г. (прорыв Солунского фронта)! (2 лекции)¹. Часть лекций имела нумерацию. Так, лекции о Галицийской битве имели номера с 15-й по 21-ю², что позволяет судить об обширности курса. В работе он активно использовал и советскую литературу, в т.ч. материалы периодической печати, например, журнал «Война и революция»³. Впрочем, ни тогда, ни позднее лекции Иностранцева не вышли за рамки освещения отдельных эпизодов войны, что осознавал и он сам⁴.

Генерал Н.Н. Головин рассчитывал на то, что в таком крупном культурном центре русской эмиграции, каким была Прага, возникнет мощная ячейка его военно-научных курсов, однако, по всей видимости, дело не заладилось. М. А. Иностранцев, вероятно, более активно занимался подготовкой курса лекций для чехословацкой Военной академии, чем организацией военного самообразования эмигрантов. Головин с грустью писал 24 января 1928 г. генералу В. В. Чернавину в Прагу: «Сведений от М. А. Иностранцева о работе пражской группы военного самообразования давно не имею. Меня беспокоит, что работа в ней, по-видимому, замирает. Очень жалко, что Вы не хотите стать сами во главе ее. Это не помешало бы делу М. А. Иностранцева, вокруг которого могла бы образоваться своя группа или как он предполагал систематические курсы.

По полученным мною сведениям, Иностранцев получит приглашение в пражскую Военную академию, и ему будет неудобно руководить группой военного самообразования. Таким образом, наше с Вами детище погибнет.

Подумайте, о чем я Вам пишу; переговорите с М.А. Иностранцевым и Рябиковым.

Казалось бы, что в Праге легче, чем в Париже организовать группы военного самообразования.

Постоянно получаю оттуда сетования, что это до сих пор не сделано»⁵.

Головин и далее интересовался жизнью пражских военных ученых, однако Иностранцев стал избегать его, поскольку дело курсов пробуксовывало. К марту 1928 г. Головин не имел сведений от Иностранцева уже на протяжении восьми месяцев, о чем жаловался Чернавину, полагая, что Иностранцев совсем забросил работу по группе военного самообразования⁶.

11 марта 1928 г. Иностранцев сам написал Головину объемное письмо с отчетом о своей работе:

«Дорогой Николай Николаевич,

Я очень виноват перед тобою за свое довольно продолжительное молчание, но очень большая работа, которую мне теперь приходится делать для “Валечной” школы, т. е. здешней академии, отнимает от меня массу времени, а вдобавок к этому пришли и свои частные дела вроде искания новой квартиры и т.п.

В виде отчета за текущий учебный год посылаю тебе при сем расписание докладов нашего кружка за первое полугодие и за второе полугодие до Пасхи. Из этих расписаний ты можешь усмотреть, что центром тяжести занятий кружка яв-

¹ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 56. Л. 96.

² ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 350. Л. 1-130.

³ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 39. Л. 58.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 59. Л. 10.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 137. Л. 50-50об.

⁶ Там же. Л. 52.

ляются лекции, а практические занятия по курсу Лемуана¹ сосредоточены в руках В.В. Чернавина под видом семинара под безобидным названием: “Современные тенденции в области ведения боя”, что пришлось сделать по совету ректора народного университета Новикова, чтобы не дразнить здешних политических гусей, которые, при виде курса тактики могли бы прийти в ужас и чуть ли не усмотреть здесь зреющую контрреволюцию. Ничего не поделаешь – приходится считаться с местными настроениями.

Посещаемость лекций громадная и интерес к кружку у здешней молодежи необычайный. С будущего учебного года, по-видимому, возникнут и наши два филиала в Брно и Пильзене. Лекции посещают не только специалисты военные, но и много статских людей, что также объясняется вызываемым ими интересом.

Чернавин мне передавал о твоих опасениях, - не отзовется ли неблагоприятно на работке кружка то обстоятельство, что я официально привлечен к работе в академии.

На этот счет можешь быть совершенно спокоен. Дело в том, что я нарочно воспользовался моим привлечением в академию, чтобы приглашать на наши лекции здешних офицеров Генерального штаба и тем вызвать у них интерес к нашим работам и придать им легальный и симпатичный для чехов вид. Это удалось вполне. Почти на всех наших лекциях бывает, если можно так выразиться, цвет чешского Генерального штаба [в лице] начальника оперативного отделения Генерального штаба полковника Лужа, помощника начальника разведывательного отделения того же штаба капитана Похунек, помощника начальника военного кабинета президента подполковника Плх и многих других. Этого мало. Трое упомянутых чешских офицеров выразили желание сами сделать доклады. Один из них будет читать даже по-русски и, вероятно, уже в нынешнем учебном году – после Пасхи – капитан Похунек, двое же других в будущем году.

Таким отношением к нашему кружку убиты, вопреки поговорке, два зайца. Во-первых, кружок, раз в нем участвуют и чешские офицеры, перестал быть чем-то подозрительным и стал даже симпатичным, во-вторых, мы привлекли к работе в нем свежие молодые силы и получили возможность сделать попытку заинтересовать легализацией кружка здешнее министерство иностранных дел. Это мною и было сделано. Я отправился в министерство с секретарем нашего кружка полковником Бигаевым (он же и председатель комитета слушателей народного университета) к консулу Завазал, ведающему всею русскою акцией, и в беседе с ним выяснил, что деятельность кружка в министерстве уже известна с самой лучшей стороны и вызывает у него самые живые симпатии как всякое русское просветительное начинание, и когда я завел разговор о неимении у кружка средств, то получил вопрос, какие бы нам средства на это потребовались. В заключение, хотя прямо еще ничего обещано не было, но названная мною сумма в 3000 чеш. крон в месяц (с запросом конечно) не испугала Завазала, и он обещал мне дать окончательный ответ весною, когда выяснится, какие у них образуются остатки от русской акции, с тем, чтобы с началом будущего учебного года пособие кружку уже стало нормальным и определенным, подобно тому, как и пособие народному университету. Если будет так, то явится возможность отделиться от последнего. Это составляет всеобщее наше желание, т. к. собственно помощи от университета мы не видим никакой, а затруднения постоянные в виде торговли из-за дней, переноса лекций с одного дня на другой и вообще большого беспорядка, с которым ведется дело там.

Я в своих мечтах иду даже далее и думаю затем создать из кружка военное общество с уставом, членскими, конечно, весьма небольшими, взносами,

---

¹ Генерал Лемуан – французский военный теоретик, автор курса общей тактики (1922).

а затем, может быть и устройством библиотеки и т. д. Как видишь, дело пошло очень хорошо и перспективы заманчивы. Но беда в том, что у нас здесь условия весьма различные от ваших парижских в смысле лекторов и руководителей. У вас – избыток, у нас – недостаток и, как видно из посылаемых расписаний, в сущности лекторов всего три: Рябиков, Чернавин и я. Отдельные же случайные лекторы редки, штатские люди и выступления их временны и случайны. Имеющиеся здесь старые офицеры Генерального штаба, как Ходорович, Михеев, отстали от военного дела, а [от] современного в особенности, опустили, ничего не читают и заняты другими делами вроде союза инвалидов и т.п. Нам же трем вести на себе весь кружок очень тяжело, так просто не хватает времени.

Наконец, чтобы довершить тебе картину работы нашего кружка, упомяну еще про одно наше начинание. Я на основании своего 15-летнего педагогического опыта знаю, насколько поднимает интерес к военному делу посещение полей сражений, хотя бы и старых. И вот на основании этого я думаю организовать в апреле или в мае экскурсию желающих участников кружка на Аустерлицкое поле сражения и к организации этой экскурсии и возможного ее удешевления ее (так в документе. – А.Г.) уже приступил. В будущем году можно будет осмотреть Кениггрец.

Итак, вот, дорогой Николай Николаевич, тебе подробная картина нашей работы, идущей, как видишь, довольно успешно. Пусть тебя только не смущают лекции вроде таких, как лекция Рябикова о тихоокеанской проблеме, которую просили устроить сами участники кружка, или как лекция проф. Вергуна, который сам предложил нам прочесть об истории славянства по картинам известного чешского художника Альфонса Мухи и которому нам было неловко отказать...»¹

Ответ Головина не заставил себя ждать и был написан уже 28 марта: «Очень счастлив был получить Твое письмо с подробным описанием занятий в Твоем кружке. Все, что Тобою достигнуто и все Твои проекты, по-моему превосходно. Хорошо, что кружок поставлен на путь возможностей дальнейшего мирного развития. Если Тебе удастся получить за счет русской акции независимое от народного университета пособие, это будет весьма удачно, так как сделает кружок самостоятельным.

Ты сетуешь, что у Вас нет руководителей. Должен Тебе сказать, что и в Париже курсы держатся по существу тоже только на 4-5 руководителях. Остальные руководители являются очень ценными помощниками, но приходится мириться с тем, что они могут работать только в определенных рамках. Наши кружки, находящиеся в других странах, а также во Франции вне Парижа, не имеют иногда даже одного настоящего руководителя. Пишу это Тебе для того, чтобы сказать, что те затруднения, с которыми Вы встречаетесь, находятся налицо везде, даже в Париже, где руководители заняты добыванием насущного хлеба, и многие из них даже работают простыми рабочими на заводах.

В этом году летом я в Прагу не приеду, но на будущий год твердо намерен это сделать. В этом случае проведу в Праге несколько месяцев и могу предложить провести в кружке какой-нибудь курс.

Буду очень рад, если найдешь возможность отрывать иногда время и общаться мне о ходе занятий кружка»².

28 мая 1929 г. Иностранцев был единогласно избран в члены Совета преподавателей Русского народного университета³. С 1929 г. он должен был читать курс лекций по истории Первой мировой войны в чехословацкой Военной академии (приглашение получил еще в 1927 г. после года ожидания). Ему было разре-

¹ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 62. Л. 1-2об.

² Там же. Л. 5.

³ ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 112. Л. 181.

шено читать их по-русски с переводчиком. Чехов особенно интересовали события на сербском фронте, что повлекло активную работу Иностранцева в этом направлении. Видимо, на основе лекций Иностранцев намечал издание краткого историко-стратегического очерка Первой мировой войны¹. Приглашение читать лекции в академии резко улучшило материальное положение Иностранцева. В частной переписке с генералом В. В. Чернавиным он отмечал, что внезапно разбогател как Крез². По всей видимости, именно занятость в академии не позволила Иностранцеву уделять много внимания кружку. Вместе с тем, генерал активно занимался военно-научной работой. В частности, он выполнял переводы мемуарно-исследовательских работ иностранных авторов о Первой мировой войне. Только в 1928 г. Иностранцев перевел достаточно объемные труды кронпринца Вильгельма и маршала А.-Ф. Петена о сражении под Верденом³. Помимо лекций по Первой мировой войне Иностранцев разработал и лекции по советско-польской войне⁴.

Помимо лекционной деятельности члены кружка публиковали свои работы по военным вопросам. Особенно активными в написании трудов были Н. А. Бигаев, В. В. Добрынин, М. А. Иностранцев, В. В. Чернавин. В сфере их внимания оказывались вопросы психологии бойца, региональной политики и стратегии, советская, чехословацкая и эмигрантская военная печать, история Первой мировой и Гражданской войн⁵. Впрочем, эта деятельность выходит за рамки работы кружка.

В 1930 г. Иностранцев почти не выступал с докладами в кружке, переключившись на работу в академии. 22 января 1930 г. он даже сложил свои полномочия в связи с недоброжелательным отношением к участникам кружка в связи с подготовкой банкета в честь генерала Н. Н. Головина⁶. Однако после этого инцидента он продолжал занимать пост председателя. В конце 1930 г. он выступил с докладом «5-й съезд зарубежных русских ученых в Софии в сентябре 1930 г. Работа военной секции съезда». Вполне возможно, что генерал лично участвовал в работе этой секции⁷.

Популярность Иностранцева как лектора в среде военной эмиграции была такова, что его регулярно на протяжении второй половины 1920-х – 1930-х гг. приглашали читать лекции в различные страны русского рассеяния, прежде всего, в Югославию и Болгарию. Разумеется, масса приглашений поступала из различных мест самой Чехословакии. Практически ежегодно поступали приглашения читать лекции от Русского свободного университета (наименование Русского народного университета в Праге с 1934 г.) на Подкарпатской Руси в Ужгороде, Мукачево и Хусте. 22 января 1929 г. Иностранцев выступал на заседании памяти великого князя Николая Николаевича-младшего с докладом о военной деятельности великого князя⁸. В 1928 и 1929 г. коллега Иностранцева по Генштабу генерал А. В. Арцишевский из Земгора приглашал его в Софию⁹. Пришло приглашение прочитать лекцию о Суворове от русской гимназии в Моравской Тшебове¹⁰.

В 1930 г. Иностранцев приехал с четырьмя лекциями о Первой мировой (Вооруженные силы и планы сторон, Восточно-Прусская операция, Галицийская

¹ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 14. Л. 25.

² ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 167. Л. 1.

³ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 344. Л. 1-35; Д. 345. Л. 1-51об.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 354. Л. 1-49.

⁵ Подробнее см.: Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. М., 1999.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 113. Л. 48об.

⁷ Там же. Л. 61.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 56. Л. 160.

⁹ Там же. Л. 154.

¹⁰ Там же. Л. 153.

битва, Варшавско-Ивангородская операция) в Белград¹. Большую помощь в организации визитов Иностранцева в Югославию оказывала его дочь. Кроме того, приезде Иностранцева в Загреб помогал представитель местной группы офицеров Генштаба генерал Н. П. Стремоухов.

Восторженные отзывы о лекциях Иностранцева печатались в газетах. 29 мая 1930 г. в газете «Новое время» (№ 2726) вышла статья о лекциях Иностранцева:

«Лекции проф. М. А. Иностранцева проходят при исключительном успехе.

42-я аудитория напоминает бочку с селедками, трудно дышать.

Успех объясним. Первое – прекрасный лектор, второе – темы о Великой войне, той страшной трагедии России, которая положила начало испытаниям еще более горшим.

Операция 1-й и 2-й наших армий в В[осточной] Пруссии – какая страшная трагедия!

Залитая грязью и кровью революции, эта трагедия отошла вглубь. Но в объективном изложении лектора необыкновенно ярко отражен героизм офицеров и солдат и бездарность высшего командования.

- Кто же виноват? – спрашивает лектор и отвечает. – Не лучше ли иначе формулировать этот вопрос: – Кто не виноват? Виноваты в случившемся все. Ибо военная наука, проверенная опытом учит: – Победа есть результат не только доблести, но и организации.

Но, слушая увлекательное повествование профессора о страшных страницах нашей истории, не испытываешь стыда.

И в этом поражении был героизм, и какой героизм!..

Интерес к военным лекциям огромный. Ходят на них не только военные, но и лица разных специальностей, даже гимназисты и дамы. И это понятно, всякому, не исключая и дам, свойственно интересоваться родной историей»².

В связи с лекцией о Галицийской битве газета «Новое время» (3 июня 1930 г. № 2730) писала: «Снова до отказа переполненная аудитория, снова мастерское изложение лектора, сжато, но рельефно рисующего картину боев на равнинах Галиции... Среди слушателей немало участников этих боев... И потому в перерыве оживленный обмен мнений»³. Через день в той же газете (5 июня 1930 г. № 2732) о лекциях Иностранцева сообщалось, что это был «цикл интересных и блестящих по изложению докладов. В них вообще нужно отметить точность формулировки, бодрый тон, отсутствие слепого преклонения перед немцами и беспристрастную оценку действий обеих сторон»⁴. В 1931 г. Иностранцева приглашали выступать с лекциями в русской гимназии в Моравской Тшебове, в Галлиполийском землячестве в Пильзене.

В 1930 г. при кружке открылись низшие курсы прикладных военных знаний, однако уже в мае того же года они закрылись⁵. Эти курсы для молодежи вел капитан В. И. Гепнер. Преподавали Гепнер, полковник Е. Е. Шайтанов и штабс-капитан князь Б. А. Эристов. Было прочитано 12 докладов (три по организации войск и их вооружению, пять по артиллерии, три по винтовке и пулемету, один по топографии; всего 24 часа⁶), в среднем курсы посещали по 18 слушателей, а всего – 216 человек. В октябре 1930 г. возникла идея открыть при кружке курсы для старших начальников⁷. С аналогичным предложением 19 декабря 1930 г. обратился в кру-

¹ Там же. Л. 61.

² Там же. Л. 131.

³ Там же. Л. 125.

⁴ Там же. Л. 124.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 113. Л. 123.

⁶ Там же. Л. 123об., 124.

⁷ Там же. Л. 59об.

жок начальник VI отдела РОВС генерал Н. А. Ходорович, предложивший организовать по распоряжению главного командования курсы военных знаний при союзах отдела РОВС¹. Речь шла о трехуровневой системе военного образования (учебная команда, училище, академия). Разумеется, в условиях эмиграции эта идея была утопической, и Ходорович получил отказ.

Тем не менее, в начале 1931 г. на базе кружка были созданы высшие военно-научные курсы (курсы старших начальников), а в программу кружка были внесены изменения с акцентом на подготовке офицеров². Курсы торжественно открылись 16 января 1931 г. На открытии в президиуме председательствовал Иностранцев, его заместителем был П. Ф. Рябиков, присутствовали ректор университета профессор Новиков и генерал Н. А. Ходорович³.

На курсы принимали выпускников военных училищ и лиц, обладавших солидным стажем в офицерских чинах. Всего на курсы поступили 40 слушателей. Лекции читались по пятницам в 18.00. Расписание было следующим:⁴

Дата	Лектор	Тема
16.01	проф. М. А. Иностранцев	Стратегия
23.01	проф. А. Н. Фатеев	Основы геополитики
30.01	проф. А. А. Вилков	Государственные финансы во время войны
06.02.	проф. М. А. Иностранцев	Стратегия
13.02.	проф. П. Ф. Рябиков	Общая тактика
20.02.	приват-доцент Н. С. Жекулин	Тема не указана
27.02.	проф. М. А. Иностранцев	Стратегия
06.03.	приват-доцент Н. С. Жекулин	Тема не указана
13.03.	проф. П. Ф. Рябиков	Общая тактика
20.03.	проф. М. А. Иностранцев	Стратегия
27.03.	приват-доцент В. В. Саханев	Сложение русской государственной территории
03.04.	проф. М. А. Иностранцев	Стратегия
17.04.	проф. П. Ф. Рябиков	Общая тактика
24.04.	проф. М. А. Иностранцев	Стратегия
08.05.	полковник В. В. Добрынин	Война и экономика
15.05.	приват-доцент В. В. Саханев	Сложение русской государственной территории
22.05	проф. П. Ф. Рябиков	Общая тактика
29.05	полковник В. В. Добрынин	Война и экономика

Параллельно шла работа кружка. Чтобы понять интенсивность работы, приведем данные о программе кружка за аналогичный период:⁵

Дата	Лектор	Тема
21.01, 28.01	полковник В. В. Добрынин	Советская военная печать
04.02	проф. П. Ф. Рябиков	Служба Генерального штаба. Разведка мирного времени и исторический очерк ее развития

¹ Там же. Л. 78.

² Там же. Л. 81.

³ Там же. Л. 86.

⁴ Там же. Л. 83-83об.

⁵ Там же. Л. 85-85об.

Дата	Лектор	Тема
11.02	полковник В. В. Добрынин	Характерные черты соврем. тактики
18.02	приват-доцент полковник С. Л. Волкобрун	Русская армия в Семилетнюю войну
25.02	приват-доцент полковник С. Л. Волкобрун	Русская армия в царствование импера- тора Павла I
04.03, 11.03	генерал В. В. Чернавин	Русская армия до революции
18.03	генерал Э. К. Гермониус	Война и промышленность
25.03	лейтенант М. С. Стахевич	Действия русского флота: Черноморский флот в 1914 году
01.04.	инженер Вильгальм	Тактика газовой борьбы
08.04.	полковник Н. А. Бигаев	Военная психология
15.04.	доктор П. А. Скачков	Брест-Литовский мир
22.04.	Л. Ф. Магеровский	Армия и государство
29.04.	лейтенант М. С. Стахевич	Ютландский бой
06.05.	приват-доцент С. В. Маракуев	Кооперация во время войны
13.05.	проф. Д. Н. Вергун	Славянская политическая стратегия
27.05.	проф. П. Ф. Рябиков	Служба Генерального штаба. Разведка мирного времени и исторический очерк ее развития

С февраля 1931 г. курсы получили новое наименование – курсы высших военно-научных знаний. Уже 3 марта руководством РОВС в лице генералов Е. К. Миллера и Н. А. Ходоровича организаторам курсов была выражена благодарность за их открытие¹. Однако уже к июню 1931 г. стало ясно, что пражские курсы не в состоянии работать по той же программе, что и парижские курсы Головина. Лагерные сборы и полевые выходы были исключены, не хватало специалистов для преподавания. При этом идейного расхождения с Парижем не наблюдалось, поскольку в Праге отдавали должное и моральным и материальным факторам на войне. Обо всем этом было доложено генералу Ходоровичу².

С осени курсы планировалось расширить, а также организовать для желающих выпускные испытания и выдачу удостоверений о выпуске от университета³. Однако осенью 1931 г. произошли события, сделавшие продолжение работы курсов невозможным. Генерал Иностранцев предложил перенести занятия кружка из помещения воинских организаций в Русский народный университет. Члены воинских организаций заявили, что в этом случае будут бойкотировать занятия. П. Ф. Рябиков и В.В. Добрынин должны были их убедить, иначе Иностранцев, на этом настаивавший, был вынужден покинуть кружок. Поскольку консенсуса достичь не удалось, из-за этой, вроде бы, малозначительной конфронтации Иностранцев 15 октября 1931 г. покинул посты руководителя кружка и председателя его совета и, соответственно, оставил курсы⁴. 21 октября на его место был единогласно избран П. Ф. Рябиков⁵. Занятия на курсах уже с гораздо меньшей интен-

¹ Там же. Л. 94–94об.

² Там же. Л. 109.

³ Там же. Л. 110.

⁴ Там же. Л. 113–114.

⁵ Там же. Л. 115, 122. Рябиков Павел Федорович (24.03.1875–27.08.1932) – из дворян, сын подполковника. Окончил Полоцкий кадетский корпус (1893), Константиновское артиллерийское училище по 1-му разряду (1895), Николаевскую академию Генерального

сивностью продолжались до конца 1931 г. (за семестр были прочитаны всего три лекции). Тематика прочитанных лекций распределялась следующим образом:¹

Тематика	Лекций
Геополитика	2
Государственные финансы	2
Сложение русского государства	2
Война и экономика	3
Война и промышленность	2
Общая тактика	4
Стратегия	5
Мировой финансовый кризис	1

В общей сложности на курсах высших военно-научных знаний была прочитана 21 лекция (42 часа) со средней посещаемостью 40 человек. Всего лекции посетили 840 человек². Предложение полковника Н. А. Бигаева открыть курсы в объеме младшего класса курсов Головина было отклонено за отсутствием возможностей. С января по апрель 1932 г. курсы не функционировали, после чего, по всей видимости, возобновлены не были. Очередным ударом по кружку и курсам стала смерть П. Ф. Рябикова 27 августа 1932 г.

В рапорте начальнику VI отдела РОВС от 23 февраля 1932 г. сообщалось, что в кружке с 1927 г. было прочитано 125 лекций (250 часов), которые посетили 5632 слушателя (в среднем, по 45 слушателей на лекцию). Тематика лекций кружка распределялась следующим образом³:

Тематика	Лекций
По истории Первой мировой войны	57
Общая тактика	10
Тихоокеанская проблема	2
Роль железных дорог в Первую мировую войну	1
Русские общественные организации в войну	1
Русская армия до войны	1
О старшем командном составе русской армии	1
О значении огня в современном бою	1
Артиллерия	3
Конница	5
Русско-японская война	1

штаба (1901). Генерал-майор (с 1917). Участник русско-японской войны. Участник Первой мировой войны. Начальник штаба 59-й пехотной дивизии. Старший адъютант разведывательного отделения штаба 2-й армии (с 1914). Начальник разведывательного отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Северного фронта (с 1915). Командир 199-го пехотного Кронштадтского полка (с 1916). Штаб-офицер, заведовавший обучающимися в Николаевской военной академии (с 1917). 2-й обер-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба (с 1917). 2-й генерал-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба (с 1918). Участник Гражданской войны. Экстраординарный профессор Военной академии (с 1919). 2-й генерал-квартирмейстер Ставки Верховного главнокомандующего (с 1919). Начальник штаба Восточного фронта (Омск, 1919). Теоретик и практик организации агентурной разведки. В эмиграции – в Чехословакии. Умер в Праге. Похоронен на Ольшанском кладбище.

¹ Там же. Л. 124–124об.

² Там же. Л. 123об.

³ Там же. Л. 123об.–124.

Тематика	Лекций
Русский флот в Первую мировую войну	5
Авиация	2
А. В. Суворов, И. В. Гурко, Г. А. Леер, Н. Н. Юденич	4
Военная мысль (литература)	3
Вооруженный народ	1
Боевые доктрины и национальный характер	1
Роль и значение офицера в современном обществе и государстве	1
Влияние мировой войны на организацию армии	1
Борьба с авиацией	2
Военная психология	5
Химическая война	2
Условия русского фронта	1
Служба Генерального штаба	2
Армия и государство	2
Современная военная печать	2
Характерные черты современной тактики	1
Русская армия в Семилетнюю войну и при императоре Павле I	2
Война и промышленность	1
События на Дальнем Востоке	1
Военизация населения, механика и материалы	1
Психотехника	1
Вооружение современных армий	1

По данным к 12 сентября 1932 г. генералы Иностранцев и Рябиков прочитали по 16 докладов и лекций, полковник Добрынин 22 лекции, генерал Михеев 3 лекции¹. На всех курсах и в кружке к февралю 1932 г. было прочитано 158 докладов (316 часов), их посетили 6688 слушателей, в среднем по 42 человека². Лекции читали и чехословацкие офицеры – полковник Новозамский и генерал Лужа.

После смерти Рябикова новым председателем совета кружка 10 сентября 1932 г. был избран генерал М. Г. Михеев³. В совет вошел М. М. Зинкевич в качестве заместителя председателя. Членами совета по-прежнему состояли полковники Добрынин и Шайтанов, капитан Гепнер, лейтенант Стахевич и секретарь полковник Бигаев. Почетными членами оставались чехословацкие офицеры.

12 октября торжественно отмечено пятилетие военно-научной деятельности кружка и 50-летие со дня смерти М. Д. Скобелева. Выступили М. М. Новикова,

¹ ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 172. Л. 31-32.

² ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 113. Л. 123об. По другим данным, 6952 человека при средней посещаемости 44 слушателя (ГА РФ. Ф. Р-5796. Оп. 1. Д. 7. Л. 171).

³ Михеев Михаил Григорьевич (07.11.1861–30.12.1938) – из дворян, сын казачьего офицера. Окончил Воронежскую военную гимназию, Михайловское артиллерийское училище по 1-му разряду и Николаевскую академию Генерального штаба (1888). Генерал-лейтенант (с 1915). Участник Первой мировой войны. Командовал Оренбургской казачьей дивизией (1914-1916). Ранен. Участник Гражданской войны. В Белом движении на Юге России. В Донской армии (1918-1920). Командир V Донского сводного казачьего корпуса (1919–1920), преподаватель Атаманского военного училища (1920). В эмиграции в Турции, Югославии. Переехал в Прагу (1922). Избран (как инвалид) на пост председателя Союза русских военных инвалидов в Чехословакии (1924), занимался спасением от голода и нищеты русских увечных воинов. Умер в Праге. Похоронен на Ольшанском кладбище.

М. Г. Михеева, В. В. Добрынина, Н. А. Бигаева. Иностранцев, по всей видимости, настолько разошелся с кружком, что даже не был в числе выступающих¹.

В 1933 г. в совет кружка вошел Генштаба полковник Н. Н. Тилли. В кружке читали доклады генералы М. М. Зинкевич и В.В. Чернавин, полковники В. В. Добрынин, А. К. Фуртушный, Н. Н. Тилли и другие, гражданские лекторы (например, Н. И. Астров)². К 9 января 1933 г. со времени основания кружка было прочитано 170 часовых лекций-докладов, совершена 21 историческая экскурсия (в основном под руководством профессора Д. Н. Вергуна). В среднем лекции посещали по 44 человека, а всего посетило 7500 человек. Посещали лекции и чехословацкие офицеры, в т. ч. в качестве лекторов выступали офицеры чехословацкого Генштаба³.

На март 1934 г. было намечено проведение военной игры по противотанковой обороне полка и батальона, однако игра не состоялась⁴. 18 января 1935 г. генерал Михеев, не выходя из кружка, «по соображениям этики и в видах освобождения себя от излишних обязанностей (дабы посвятить больше сил работе в Союзе Инвалидов)» сложил с себя обязанности председателя⁵. Встал вопрос о реорганизации кружка в связи с перенесением тяжести работ в школу военно-научных знаний. Обострились конфликты. Так, полковник Бигаев заявил о невозможности работы с полковником Тилли⁶. 30 января 1935 г. новым председателем совета кружка был избран генерал Е. Г. Булюбаш⁷. Его заместителем стал полковник Бигаев. Лекции теперь проходили 2-3 раза в месяц по воскресеньям⁸. Но в целом, период середины 1930-х гг. стал временем упадка кружка, тем не менее, просуществовавшего до конца 1930-х гг.

***

Во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. Прага, во многом, благодаря энтузиазму бывших профессоров Николаевской военной академии М. А. Иностранцева и П. Ф. Рябикова, в прошлом однокашников по академии, стала одним из центров военно-научной мысли русской эмиграции, наряду с Парижем и Белградом. Несмотря на трудности эмигрантского существования, Иностранцев и Рябиков сумели объединить вокруг себя сплоченную группу заинтересованных в расширении своих военных знаний лиц.

Поддержка руководства Русского народного университета, связи с чехословацкими офицерами и определенная поддержка властей способствовали организационному оформлению в 1927 г. и дальнейшей успешной работе кружка по изучению Первой мировой войны. В кружке читались доклады и велись дискуссии по разнообразным военно-историческим и военным вопросам.

Позднее на базе кружка возникли низшие курсы прикладных военных знаний и высшие военно-научные курсы (курсы старших начальников, затем курсы высших военно-научных знаний), задачей которых было непосредственное повы-

¹ ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 113. Л. 158.

² ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 172. Л. 2.

³ Там же. Л. 14об.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 113. 184.

⁵ Там же. Л. 186.

⁶ Там же. Л. 187.

⁷ Булюбаш Евгений Григорьевич (01.09.1873–02.10.1967) – из дворян. Окончил Владимирский Киевский кадетский корпус, Павловское военное училище, Николаевскую академию Генерального штаба (1904). Генерал-майор (с 1921). Участник Первой мировой войны. Тяжело ранен (1914). Командир 151-го пехотного Пятигорского полка (1917). Участник Гражданской войны и Белого движения на Юге России. Тяжело ранен (1918). В эмиграции в Болгарии, Чехословакии, Германии, США. Умер в Мартинсбурге (США, Западная Вирджиния). Похоронен в Мюнхене.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 113. Л. 194.

шение знаний слушателей в военном деле. Впрочем, из-за организационных трудностей курсы просуществовали непродолжительное время.

Военно-научная деятельность была одним из способов адаптации офицеров-эмигрантов к жизни на чужбине. Помимо ностальгии по прежней профессии, эта работа поддерживала надежду на то, что, возможно, полученные знания рано или поздно пригодятся либо для нового похода на большевиков, либо уже в «освобожденной» России. Этим надеждам не суждено было оправдаться. Разумеется, по своим масштабам военно-научная работа в Праге уступала аналогичной деятельности военных эмигрантов в Белграде и Париже. Тем не менее пражские организации внесли свой вклад в военную культуру Русского Зарубежья.
